

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Издатель А. А. Лозович.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

№ 321.

ХАРЬКОВЪ, ВТОРНИКЪ 1 (13) Декабря 1881 года.

ГОДЪ I.

Реданторъ А. Н. Стояновъ.

Реданция газеты помещается въ г. Харьковѣ, въ Петровскомъ переулкѣ, № 1; для личныхъ объясненій по дѣламъ газеты открыта ежедневно, кромѣ воскресенья и праздничныхъ дней, отъ 2 до 3 часовъ дня. Статьи, дошедшія безъ означеннаго условія, принимаются безплатно. Статьи и корреспонденціи, присылаемыя въ Реданцію, должны быть за подписью и съ адресомъ автора.

Отдѣльные №№ „Южнаго Края“ продаются по 6 к.

Второй годъ изданія

ЮЖНЫЙ КРАЙ

1882 года.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Въ домъ доставленъ	10 р. 60 к.	6 р. — к.	3 р. 20 к.
Съ доставкой	12 р. — к.	7 р. — к.	4 р. — к.
Съ пересылкою	13 р. 50 к.	7 р. 50 к.	4 р. 50 к.

Газета „Южный Край“ будетъ издаваться въ 1882 году, подъ прежнею редакціею и по прежней программѣ.

Главная контора редакціи въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ домѣ университета, № 7-й, при „Публичной Библиотекѣ“ А. А. Лозовича, принимаетъ подписку и объявленія.

Въ видахъ доставленія „Южнаго Края“ гг. городскимъ подписчикамъ, не позже 9 часовъ утра, Главная Контора значительно увеличила число разнощиковъ газеты. О случаяхъ доставки газеты позже означеннаго часа, Главная Контора покорнѣйше проситъ, поэтому, гг. подписчиковъ заявлять каждый разъ устно или письменно.

30-го ноября вышелъ изъ печати „Миръ“ (второй) книжка.

ХАРЬКОВСКИЙ ТОРГОВЫЙ БАНКЪ.
Складочный капиталъ 1.000.000 р. — к.
Залоговый капиталъ 209.140 р. 28 к.
Уплачиваетъ по вкладамъ: 5%
До востребованія 5%
На срокъ до 1 года 5%
На срокъ до 2 летъ 6%
По текущимъ ссудамъ 4%

Выдаетъ ссуды подъ залогъ цѣнныхъ бумагъ и товаровъ.
Учитываетъ векселя.
Переводитъ въ разные города Имперіи денежные суммы.
Принимаетъ на комиссію для полученія векселей, писанныхъ на русскую или иностранную валюту.
Исполняетъ порученія по покупкѣ и продажѣ разнаго рода цѣнныхъ бумагъ преимущественно же: государственныхъ, гарантированныхъ правительствомъ и заводскихъ листовъ мѣстныхъ земельныхъ банковъ.

Адресъ: телеграфныя и почтовыя Харьковъ, Торговый Банкъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Харьковъ, 30 ноября 1881 года.
О новыхъ желѣзныхъ дорогахъ въ предѣлахъ харьковской губерніи, А. Телатниковъ.
Жизненная хроника: Городская дѣла. — Засѣданіе харьковскаго общества сельскаго хозяйства. — Изъ городской жизни. — Изъ жизни „Южнаго Края“, отъ „Международнаго телеграфнаго агентства“ и изъ другихъ газетъ.
Последнія извѣстія.
Внутреннія извѣстія: Корреспонденція „Южнаго Края“ изъ Воронежа и Коблякскому уѣзду. — Извѣстія другихъ газетъ: изъ Полтавы, Новомосковска и Новочеркасска.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Г. Успенскій, „Деревенская замѣтка“, Сиб. вѣстникъ, 1882 г. январь.
Когда людямъ приходится браться за совершенно новое дѣло, то лишь послѣ дѣлаго ряда ошибокъ и заблужденій, часто гибельныхъ, и всегда болѣзненныхъ, только послѣ дѣлаго ряда изнурительныхъ блужданій, сопровождаемыхъ безвременной гибелью силъ, энергіи и самыхъ прекрасныхъ надеждъ, только послѣ всего этого люди выходятъ на настоящую дорогу. Давно уже, Богъ знаетъ какъ давно, русская жизнь выдвинула вопросъ о „народѣ“, который и до сего дня все еще не поставленъ на надлежащую почву, относительно котораго и сейчасъ все еще мы находимся въ періодѣ „блужданій“. Но отъ двадцатыхъ до шестидесятыхъ годовъ, вопросъ о „народѣ“, никогда не замиравшій, разрабатывался лишь въ небольшихъ кружкахъ, забытый, притомъ, всѣмъ складомъ тогдашней жизни въ очень тѣсныя рамки. Почва крѣпостного права, конечно, не давала возможности „заглянуть чорту въ глаза“, и люди, пытавшіеся это сдѣлать, вѣчно оставались лишь при попыткахъ, да при печальномъ интересѣ. Тогда быть затронута только одна сторона дѣла, да и та лишь „въ предѣлахъ“, и порою, въ очень комичныхъ „предѣлахъ“ — историческое изученіе бытовой стороны исторіи русскаго народа, и въ этомъ направленіи было сдѣлано все, что возможно было сдѣлать, „сообразуясь съ обстоятельствами“. Незачѣмъ,

не понимаютъ. Въ это же время Высочайшаго Порца, совершенно, казалось бы, ослабшій послѣ погромовъ 1877—78 гг. и потерь, понесенныхъ ею по мирному трактату, вдругъ поднимаетъ голову: она опротестовала распоряженіе австрійскаго правительства о введеніи воинской повинности въ двухъ областяхъ, не безъ основанія разсматриваемыхъ ею какъ провинціи, находящіяся подъ верховнымъ суверенитетомъ султана. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, положеніе дѣлъ усложнилось еще возникновеніемъ албанскаго лиги, покушающейся по всѣмъ видимостямъ оказывать австрійской арміи серьезное сопротивление. Можно ли сомнѣваться, что Порца, всегда умѣвшая ловить рыбу въ мутной водѣ, воспользуясь реорганизаціею умершей было албанскаго лиги и сумѣетъ напустить эту свирѣпую и фанатическую орду „на тѣль и флангъ“ шваба, пролагающаго себѣ дорожку на Салоники-Митровицу! Безъ преувеличенія можно сказать, что громадная пороховая куча, разсыпанная по разнымъ угламъ Балканскаго полуострова, только жужитъ той искры, которая воспламенитъ весь этотъ горючій матеріалъ. Теперь искры только тлѣютъ, но, кажется, очень не далеко минута страшнаго пожара. Пока еще трудно предвидѣть всѣ сложныя комбинаціи, которыя могутъ явиться результатомъ заутраченности событий на Востокѣ; но въ настоящую минуту выясняется уже опасность, угрожающая балканскимъ славянамъ отъ нашествія Австріи. Что дѣлать Черногоріи, Сербіи и Болгаріи? Въ чьей роли и задача Россіи, которая не можетъ оставаться равнодушною зрительницею этого „Drang nach Osten“, пагубнаго славянскому міру при настоящемъ анти-славянскомъ направленіи австрійской политики?

Политическое безразуміе, надеждающее критическое отношеніе къ положенію нашихъ финансовъ и многія другія причины воздержатъ Россію отъ всякихъ шаговъ, могущихъ обострить и безъ того неутѣшительный кризисъ на Востокѣ и увеличатъ шансы на войну съ Австріей, которая легко можетъ перейти въ общеевропейскую. Берлинскій трактатъ, уравнивъ у Россіи и славянъ балканскихъ многое изъ того, что добыто было величайшими усилиями и тяжолыми жертвами, оставилъ по крайней мѣрѣ отечеству нашему одно неотъемлемое право — требовать отъ контрагентсовъ исполненія постановленій этого договора. Трактатъ поручилъ Австріи занять временно и умиротворить Боснію и Герцеговину, которая формально и торжественно

продолжаютъ считаться турецкими провинціями. Слѣдовательно, Австрія не можетъ вводить тамъ воинской повинности, совершенно не соответствующей верховнымъ правамъ султана, гарантированнымъ ему берлинскимъ ареопагомъ и послѣдующимъ соглашеніемъ Порты съ Австро-Венгріею. Нарушить и измѣнить и дополнить трактатъ, который есть двусторонняя сдѣлка, можно только подъ условіемъ согласія всѣхъ договаривавшихся въ немъ сторонъ. Поэтому Австрія, если она пожелаетъ сохранить за собою хоть тѣнь права, не можетъ ограничить суверенитетъ правъ Порты на Боснію и Герцеговину безъ согласія послѣдней и Россіи, чтобы не разглагошествовали мадьярскія и вѣнскія газеты. Россія же, если она пожелаетъ остаться вѣрной своей традиціонной восточной политикѣ, должна наложить свое вѣто на задуманный Австріею планъ. Она не останется одинокою. Англія, при настоящемъ ея правительствѣ, не будетъ молчать и болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы она одобряла на грубое нарушеніе договора державою, которой Гладстонъ давно уже возбѣдствовалъ, что не допуститъ ее запускать загрибистую лапу въ общее наслѣдство „большого человѣка“. Германия же слышала занята теперь внутри, чтобы ей можно было серьезно рисковать войною противъ Россіи и Англіи, при поддержкѣ однихъ „двухъдесяти языкъ австрійскихъ“, при крайне гадательной помощи Италіи и вѣроятномъ нападеніи въ тылъ Франціи, еще незабывшей Эльзаса и Лотарингіи.

Но „на Бога надѣйся, а самъ не плошай“; можно бы сказать и такъ: „на сосѣда надѣйся, а самъ не плошай“. Многія обстоятельства могутъ вынудить Россію молчать до поры до времени, остаться холодною зрительницею борьбы на востокѣ, припрятать свое вѣто. Славянамъ Турціи остается одно вѣрное и изстари испытанное средство борьбы слабыхъ противъ сильныхъ. Давно бы пора подумать имъ о заключеніи если непостояннаго, то хотя временнаго союза въ цѣляхъ обороны славянской народности отъ набеговъ швабскихъ. Къ этому союзу не трудно привлечь и Румынію, которая, въ настоящую минуту, оказываетъ рѣшительное, почти геройское сопротивленіе тому же злему року, именуемому австро-венгерской монархіей. Послѣдняя вѣрна себѣ и неумолимо логична: она хочетъ сдѣлать изъ Дуная австрійско-мадьярскую, а не международную рѣку, выбить изъ памяти народовъ постановленія о свободѣ судоходства по международнымъ рѣкамъ, подаренная

Европѣ еще конгрессомъ въ Вѣнѣ, затѣмъ трактатами 1856 и 1878 годовъ. Слѣдовательно, жизненные интересы Румыніи, — которая, понявъ свою задачу и свое будущее, не захотѣла подарить Австріи Дунай, — солидарны съ интересами Сербіи и Черногоріи, которымъ угрожаетъ Австрія. Соединившись временно союзомъ противъ общаго супостата, эти три державы могутъ, при помощи босняковъ и герцеговинцевъ, удержать лютаго врага. —

Въ „Елисаветград. Вѣстн.“ напечатана слѣдующая замѣтка чрезвычайнаго важнаго значенія.

Намъ передавали, что при пріемѣ новобрачныхъ отъ города Елисаветграда въ семь тоу болѣе 30-ти молодыхъ людей были въ чемъ-то забавномъ, какъ страдало сифилисомъ. Этотъ фактъ весьма поучительный и напоминаетъ намъ о неотложной необходимости принять мѣры къ уменьшенію среди населенія этой болѣзни. Съ этой цѣлью необходимо усилить штатъ городской больницы для сифилитиковъ, но было бы еще практичнѣе и справедливѣе, еслибы сифилисомъ удалось уже предельно уменьшить количество больныхъ, употребляя въ Павловскѣ центральной земской больницы специально для однихъ только сифилитиковъ. Такая больница могла бы быть устроена для двухъ уѣздовъ: елисаветградскаго и елисаветградскаго на средства обоихъ земствъ и при пособіи изъ губернскаго земскаго сора.

Въ виду важности зла, о которомъ идетъ рѣчь, необходимо было бы позаботиться также и о томъ, чтобы въ университетѣ наместъ была устроена специальная клиника для преподаванія сифилитологии. Впрочемъ, нашимъ существующимъ уже клиникамъ нѣтъмъ безбѣдно существовать, и онѣ преждевременно закрыты. Печально материальное положеніе нашихъ клиникъ, и если министерство народнаго просвѣщенія не окажетъ, наконецъ, содѣйствія дѣлу, то клиническое преподаваніе у насъ будетъ ежегодно страдать отъ матеріальныхъ нуждъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, учебно-исследовательскимъ учрежденіямъ университета обращаться къ частнымъ пожертвованіямъ!

О новыхъ желѣзныхъ дорогахъ въ предѣлахъ харьковской губерніи.

Лѣтъ пять или шесть тому назадъ возбудился былъ вопросъ о харьковской Воронежской желѣзной дорогѣ. Объ этой дорогѣ прежде всего ходатайствовали земства воронежской губерніи, къ которымъ впоследствии присоединились земства харьковской и курской губерній, а концессіонеромъ этой дороги безъ правительственной гарантіи явился князь Голицынъ. Но въ средѣ воронежскихъ земствъ явился расколъ: одни требовали вести дорогу на Воронежъ, другіе на Борисоглабскъ, изысканія сдѣлывали за изысканіями, туманными догадкамъ. Нечего и говорить о плодотворности такого пріема, потому что именно главная ошибка нашихъ изслѣдователей современнаго времени — и безрѣшительность и не безрѣшительность — и состояла въ томъ, что они подходили къ этой „деревнѣ“, опускаясь въ глубь народной жизни, не имѣя руководящей нити, безъ метода и пріема, забываясьхъ либо субъективныя воззрѣнія личнаго впечатлѣнія, либо навязанной доктринѣ; что они подходили къ этой „деревнѣ“ безъ слоговитаго цѣльнаго и стройнаго міросозерцанія, которое является только какъ результатъ тщательныхъ историческихъ изслѣдованій, и безъ котораго труднѣе и невозможно разобраться въ массѣ противорѣчивыхъ фактовъ, являющихся результатомъ вѣковыхъ историческихъ процессовъ и наслоеній. Мы здѣсь, конечно, говоримъ объ обыкновенныхъ гг. сочинителяхъ, а не объ гениальныхъ писателяхъ, которые одною силою генія прозрѣваютъ и въ глубь прошедшаго и въ туманъ будущаго, гениально отгадывая опережая далеко-далеко всю „мудрость вѣка“. Такие писатели что-то у насъ перевелись и, вѣроятно, на долго, и такимъ образомъ, единственное наше спасеніе въ томъ, чтобы „народникъ“ учоный и „народникъ“ писатель, „народникъ“ беллетристъ шли рука объ руку, дополняя другъ друга, поправляя другъ друга. Да и вообще пора, давно пора покончить съ той рознью между наукою и литературою, которая установилась по какому-то странному недоразумѣнію

и уже успѣла принести много зла, какъ въ той, такъ и въ другой области. Однако, пора кончить это маленькое предисловіе, которое необходимо было сдѣлать прежде чѣмъ говорить о книгѣ г. Успенскаго, заглавіе которой написано въ началѣ этихъ замѣтокъ. Г. Успенскій беллетристъ старинный, пишущій — о вѣкъ съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ, пишущій преимущественно касаясь народнаго быта, а „интеллигенціи“ лишь постольку, поскольку либо — ея влияние, либо — ея стремленія — соприскасаются все съ тѣмъ же народомъ. При томъ же г. Успенскій почти единственный истинно-гуманный беллетристъ формации по-реформенной, такъ что на его произведеніяхъ всего удобнѣе прослѣдить развитіе и перенетіи того „дѣла о народѣ“, котораго мы коснулись въ началѣ этихъ замѣтокъ. Мы, конечно, не ставимъ себѣ такой широкой цѣли, совершенно невыполнимой въ коротенькомъ газетномъ фельетонѣ; все что мы хотимъ сдѣлать — это было намѣтить нѣкоторые, такъ сказать, исходные пункты. Въ первыхъ своихъ произведеніяхъ („Правы Растеряевой улицы“ и рядъ мелкихъ рассказовъ) г. Успенскій просто очень талантливо развивалъ нѣкоторые черты, намѣченная Гоголемъ, окрасивши, впрочемъ, голубескій пріемъ тѣмъ колоритомъ сентиментальнаго натурализма первыхъ послѣдователей Гоголя, однимъ изъ послѣднихъ представителей котораго, въ разбираемомъ періодѣ своей дѣятельности, и явился нашъ ав-

самимъ правительствомъ, или съ правительственной гарантійей. Хотя правительство и отклоняетъ ходатайство земствъ объ этой дорогѣ,—но эта дорога представляетъ такую насущную потребность для края, что харьковскія земства, не выирая на эти отклоненія, продолжаютъ и будутъ настойчиво продолжать свое ходатайство, такъ какъ въ этой харьково-лисианской дорогѣ заключается вопросъ жизни и смерти для мѣстности, лежащей на сѣверъ отъ р. Донца.

Въ настоящее время составилось товарищество И. П. Илюмова и К^о для постройки пензо-ловозовской желѣзной дороги съ вѣтвью чрезъ Чугуевъ до Харькова,—и представитель этого товарищества, г. Мусницкій, недавно былъ въ Харьковѣ, гдѣ обсуждалъ этотъ вопросъ съ харьковской губернской земской управой. Изъ письменнаго заявленія г. Мусницкаго, поданнаго имъ 11-го ноября председателю харьковской губернской управы З. И. Бекарюкову видно, что дорога эта, начинаясь у города Пензы, идетъ чрезъ города Сердобскъ, Балашиху, Новохоперскъ, Вобровъ, Коротояки, Острогожскъ, Вирюхи, Валуйки, и входить въ харьковскую губернію въ предѣлахъ купянского уѣзда у слоб. Тополей на р. Осколе, чрезъ Купянскъ, слоб. Сеньковъ и Гороховатку, на г. Изюмъ, и далѣе до Севастопольской Лозовой, причѣмъ въ пространствѣ между Валуйкомъ и Купянскомъ (по соглашенію съ г. Мусницкимъ изъ сл. Тополей) отдѣляетъ особую вѣтвь чрезъ Чугуевъ до Харькова.

Не отвергая важнаго и большого значенія этой дороги, перерывающей громадную мѣстность, лежащую между курско-харьковской и воронежско-ростовской желѣзными дорогами и липовую всахихъ путей,—соединяющую востокъ прѣмѣшнымъ и кратчайшимъ путемъ съ Чернымъ моремъ (Севастопольскъ) и захватывающей столько населенныхъ мѣстностей и городовъ, начиная съ Сердобска и кончая Изюмомъ,—нашъ все же кажется, даже при простомъ взглядѣ на карту, что это дорога уступаетъ дорогамъ, направляемымъ прямо на Харьковъ. Пензо-ловозовская дорога соединяетъ востокъ кратчайшимъ путемъ только съ Крымомъ и Севастополемъ, тогда какъ направленная прямо на Харьковъ, она также соединяетъ востокъ съ Крымомъ и Севастополемъ чрезъ Харьковъ и Лозовую при весьма незначительномъ удлиненіи пути до Лозовой; но за то въ то же время дѣлается какъ бы продолженіемъ харьково-николаевской дороги, соединяющей востокъ прямымъ путемъ съ Николаевомъ, Одессой и Бендерами. Положимъ, что особой вѣтвью на Харьковъ восполняется это, но чрезъ это удлинняется, какъ намъ кажется, именно главный путь на Харьковъ, а чрезъ него въ Николаевъ, Одессу и Бендеры.—экономическая Разсматривая пензо-ловозовскую дорогу въ интересахъ харьковской губерніи, мы находимъ слѣдующее. Главная линія этой дороги, перерывающая харьковскую губернію поперекъ, т. е. въ совершенно противоположномъ направленіи къ купянской и изюмской уѣздамъ, давая изъ нихъ выходы не къ Харькову и Ростову, а къ Пензѣ и Крыму. Положимъ, понавъ по этой дорогѣ въ Лозовую, можно попасть и въ Ростовъ, и въ Мариуполь;—но тамъ, гдѣ пере-

восятся сельскія произведенія и минеральное топливо,—тамъ большіе затраты и удлиненія пути могутъ сдѣлать желѣзную дорогу мало полезной для края. Относительно Харькова этотъ недостатокъ частью восполняется особой вѣтвью; но эта вѣтвь, даже начинаясь отъ сл. Тополей, а не съ Думриной, какъ предполагало товарищество,—все же пройдетъ по границѣ между купянскимъ и волчанскимъ уѣздами, причѣмъ г. Волчанскъ и весь волчанскій уѣздъ останутся въ сторонѣ, а начинаясь съ самаго дальняго сѣвернаго пункта купянскаго уѣзда, эта харьковская вѣтвь будетъ мало полезна для южной части купянскаго уѣзда и совершенно безполезной для старобѣльскаго уѣзда. Такимъ образомъ, вновь проектируемая товариществомъ дорога, оставляя въ сторонѣ старобѣльскій уѣздъ, обходя волчанскій уѣздъ и принося мало пользы купянскому уѣзду, не удовлетворяетъ двумъ главнѣйшимъ потребностямъ Запонецкаго края: наиболее удобной и дешевой транспортной хлѣба въ Ростовъ, Таганрогъ и Мариуполь, и доставляя наиболее дешевого минеральнаго топлива. Въ виду этого, товариществу необходимо провести вторую вѣтвь отъ Купянска или Сенькова до Лисианска. Польза и необходимость этой вѣтви доказывается простыми цифрами. Несомнѣнно по пензо-ловозовской дорогѣ пойдетъ хлѣбъ въ порты Азовскаго моря—Ростовъ, Таганрогъ и Мариуполь, а обратный грузъ составитъ минеральное топливо донецкаго бассейна, бахмутская соль и проч. Все это будетъ проходить чрезъ Купянскъ, откуда необходимо провести вѣтвь до Лисианска. Возьмемъ относительно хлѣба. Отъ Купянска до Лисианска приблизительно 110 верстъ, отъ Лисианска до Лозовой 132 версты,—всего 242 версты. Отъ Купянска до Лозовой приблизительно 170 верстъ и отъ Лозовой до Никитовки 167 версты, всего 337 версты. Разница 95 версты, что при тарифѣ $\frac{1}{4}$ составляетъ на четверть пшеницы до 40 копеекъ. Если взять усрѣдненную цифру транспортной пшеницы одинъ миллионъ четвертей, то и тутъ сохранится для земледѣльца 400 тысячъ рублей. Для минеральнаго топлива по пензо-ловозовской дорогѣ передовыми станціями отправленія угля будутъ Шербиновка и Петровская, отстоящая отъ Купянска на 330 версты, а при лисианской вѣтви—Лисианскъ въ 110 верстахъ отъ Купянска. Разница 220 версты, что при тарифѣ $\frac{1}{6}$ составитъ разницу въ стоимости доставки почти $\frac{3}{4}$ копейки на пудъ. Если считать отъ станціи Попасной, чрезъ которую проходятъ угли сѣверной части донецкаго бассейна, которые всѣ, при существованіи лисианской вѣтви пойдутъ по пензо-ловозовской дорогѣ, то и здѣсь будетъ отъ Попасной чрезъ Лисианскъ до Купянска около 150 версты и отъ Попасной чрезъ Краматорку и Лозовую до Купянска около 360 версты. Разница до 210 версты, что при тарифѣ $\frac{1}{6}$ составитъ разницу въ стоимости доставки болѣе 3-хъ коп. Также относительно соли, добываемой въ бахмутскомъ уѣздѣ, каменныхъ строительныхъ матеріаловъ и проч. Такимъ образомъ, лисианская вѣтвь будетъ полезна и для пензо-ловозовской дороги, и для всей мѣстности, по которой пензо-ловозовская дорога будетъ проходить.

Въ виду изложеннаго, земства харьковской губерніи обязаны прежде всего ходатайствовать о направленіи дороги съ востока на Харьковъ и соединеніи Харькова съ Лисианскомъ, то есть остаться при прежнемъ своемъ ходатайствѣ. Но если бы, въ виду какихъ-нибудь государственныхъ соображеній, правительство рѣшило дать преимущественно дорогу не на Харьковъ, а на Лозовую,—то земство харьковской губерніи должно ходатайствовать, чтобы отъ этой лозовской дороги обязательно проведенны были двѣ вѣтви: одна чрезъ Чугуевъ на Харьковъ, которая должна начинаться выше сл. Тополей и не ниже г. Валуйскъ, дабы вѣтвь эта могла болѣе захватить волчанскаго уѣзда, болѣе приблизиться къ Волчанску,—а другая вѣтвь отъ Купянска или Сенькова на Лисианскъ, но такъ, чтобы возможно болѣе захватить старобѣльскій уѣздъ. Хотя при этомъ удлинится путь отъ Лисианска до Харькова и не достигнется удешевленіе минеральнаго топлива, идущаго въ Харьковъ и за Харьковъ, но сохранится главное для края: полезность дороги для вѣтви восточныхъ уѣздовъ губерніи—дешевая и удобная транспортировка хлѣба въ порты Азовскаго моря и получение дешевого минеральнаго топлива.

Эта статья принадлежитъ А. Телятникову, депутату и уполномоченному купянскаго уѣзда.

МѢСТНАЯ ХРОНИКА.

Городскія дѣла.

Въ засѣданіи думы, 25-го ноября, т. е. Поморцевъ сдѣлалъ оригинальное предложеніе: напечатать составленный проектъ контракта конно-жѣлезной дороги, дабы дать жителямъ возможность съ нимъ ознакомиться и сдѣлать свои замѣчанія. Пользуясь такимъ любезнымъ предложеніемъ, мы выскажемъ открыто наши мнѣнія по поводу засѣданія 25-го ноября. Создается, что это засѣданіе произвело на насъ впечатлѣніе какого-то колоссальнаго недоразумѣнія. Обсуждался § 22-й контракта, по смыслу котораго, предприниматель вынужденъ сдѣлать себѣ монополию на устройство конно-жѣлезной дороги въ Харьковѣ, т. е. городское управленіе не вправе въ теченіи всего концессионнаго срока (40 лѣтъ) разбивать другія коммуніальныя или личныя устройства конно-жѣлезныхъ дорогъ въ городѣ. Дума согласилась на такую редакцію, но при этомъ ввела поправку, по смыслу которой, предприниматель обязанъ увеличить сѣтъ на нѣсколько процентовъ, если доходность съ версты достигнетъ известной нормы. Сопоставляя на эту поправку, предложенную Бонне, предлагалъ двѣ цифры: при валовомъ сборѣ по 22,000 съ версты, существующая сѣтъ расширяется на 10%, при сборѣ въ 32,000—въ 30%. Опредѣленіе стоимости дороги и валового дохода съ версты, при которомъ дума получаетъ право требовать расширенія сѣти—вызвали весьма сложный арифметическій расчетъ и поразительныя пренія. Параграфъ этотъ, по мнѣнію нашему, не принадлежитъ къ числу особенно существенныхъ и произведенъ въ чинъ подвожныхъ камней и мелей, о которые можетъ разбиться весь контрактъ, искусственно, путемъ громкихъ криковъ „о кабальности города, священныя права“, тяжкихъ условій, злыхъ умысловъ“, и проч. и проч. Недоразумѣніе мы видимъ въ томъ, что, хотя параграфъ этотъ не особенно важенъ, какъ для города, такъ и для

предпринимателя, между тѣмъ оба стороны стойко за него держатся. Для города возможно согласиться на монополию безъ всякихъ оговорокъ и поправокъ, вопервыхъ, потому, что всѣ подобныя общества имѣютъ эту привилегію—наше газовое общество имѣетъ монополию, а водопроводное кромѣ монополии еще и гарантію въ 100,000 р. ежегодно; вторыхъ, предприниматели предлагаютъ городу предметы реальныя, а не абстрактныя, а именно: мостъ черезъ Лопань, содержаніе отъ 16 до 20 т. квадрат. сажень мостовой; дума желаетъ сверхъ того имѣть весьма гадательное право на прибавку къ 17 $\frac{1}{2}$ вер. еще 2-хъ верстъ, обусловленное разными „ест“, право, которое, быть можетъ, никогда осуществленія не получитъ. Намъ кажется, что это значитъ ловить журавля въ небѣ. Въ урѣзкахъ, при разбросанности города и рѣдкомъ населеніи дѣла общества в. ж. д. въ Харьковѣ существовать не могутъ. Въ Петербургѣ, при населеніи въ миллионы, существующіе два общества; изъ нихъ дѣла 2-го общества весьма плохи и оно принуждено то повышать, то понижать тарифы. По этой послѣдней причинѣ и предприниматель могъ бы удовольствоваться не монополией, а преимущественнымъ правомъ, такъ какъ конкуренція двухъ обществъ въ Харьковѣ невозможна. Возможны спекулятивныя попытки, которыхъ, быть можетъ, опасается представитель Бонне, и не имѣя никакихъ другихъ гарантій, особенно дорожитъ монополией. Предложеніе Бонне въ 22 и 32 т. валового сбора на версту, при которыхъ онъ соглашался на увеличеніе сѣти, показались нѣкоторымъ гласнымъ чрезмѣрными и въ слѣдующемъ засѣданіи будетъ предложено, вѣроятно, ихъ сокращеніе. Но чего собственно домогается дума? Она требуетъ, чтобы общество, затрѣвающее на своей страхъ и рискъ капиталъ въ полмилліона рублей на постройку дороги, сверхъ этой затраты обязалось бы еще на разныя для себя стѣснительныя и, быть можетъ, убыточныя условія. Если дума желаетъ привлечь для города капиталъ въ 800 т. р. (въ этомъ числѣ мы считаемъ содержаніе мостовой въ теченіи 42-хъ лѣтъ), то она должна облегчать предпринимателю возможность этой затраты, а не ставить ему на каждомъ шагу мелочныя пренія и въ видѣ всякихъ поправокъ, оговорокъ и дополненій условій. Намъ кажется, что дума, вслѣдствіи громкихъ, но пустыхъ фразъ о городскихъ интересахъ, находится на ложномъ пути и, вѣдомому, не дѣлаетъ различія между концессионеромъ, который приноситъ городу деньги, и подрядчикомъ, исполняющимъ извѣстный заказъ, за который получаетъ вознагражденіе. Дума при этомъ слишкомъ заботится о далекомъ будущемъ, упуская изъ виду настоящее, между тѣмъ какъ это настоящее опредѣляется весьма почтенной суммой, 800 т. р., и многими удобствами для жителей, а потому эти жители, сдѣлавъ приглашеніе гласнаго Поморцева, могутъ спросить думу: *какія же причины и поводы тому, что дума выдвигаетъ изъ рукъ столько выгодное для города дѣло?* Мы полагаемъ, что у думы не найдется болѣе положительнаго отвѣта, какъ указаніе на безконечное число засѣданій и толстыя журналы со всѣми заключающимися въ нихъ пререканіями, особыми мнѣніями, протестами и прочими явочными

Жители, видя полный застой въ городскомъ хозяйствѣ, вправѣ желать, чтобы дума, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ случаѣ взглянула на свою задачу шире, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, и перестала бы торговаться о полъ-аршинѣ сѣти, а нѣсколько нѣтъ въ рукахъ камня и тому подобныя мелочи; чтобы дума уяснила себѣ истинное значеніе дороги для города и не нарушала бы интересы жителей неосмотрительнымъ отказомъ.

Жители также вправѣ желать, чтобы дума, въ своихъ заботахъ о далекомъ будущемъ, не забывала бы настоящаго, а то выходитъ такая странная логика: если нельзя имѣть возможности проложить въ будущемъ по извѣстнымъ улицамъ двѣ версты, то въ настоящемъ слѣдуетъ отказываться отъ 17 $\frac{1}{2}$ версты; переведа это на цифры, выйдетъ такъ: предприниматели предлагаютъ городу внести въ дѣло 800 т. рублей; дума требуетъ надбавку въ далекомъ будущемъ 26 т. р. (стоимость двухъ верстъ по расчету одного гласнаго)—если же на эту надбавку предприниматели несогласны, то не надо городу и 800 т. р. Слѣдующее засѣданіе думы, въ которомъ долженъ принять участіе повѣренный Бонне, обѣщаетъ быть, поговому, весьма интереснымъ.

Одинъ изъ читателей.

Засѣданіе харьковскаго общества сельскаго хозяйства, 29-го ноября. По утвержденіи журнала послѣдняго засѣданія общества, бывшаго въ юнѣ настоящаго года, было приступлено къ обсужденію, когда назначить предложенную выставку сѣмянъ. Въ виду короткаго срока, остающагося до декабря мѣсяца, когда была предложена выставка, рѣшено отложить ее до декабря будущаго 1882 года, причѣмъ просить минист. госуд. имущ. оставить за обществомъ ассигнованные для этой цѣли 300 руб., а также медали и почетныя отзвы.

Затѣмъ, проф. Зайкевичъ сообщилъ о результатахъ своихъ изслѣдованій на опытномъ полѣ въ Тростянецкой экономіи. Изслѣдованіе производилось надъ качествомъ (содержаніе сахара) и урожаями свекловицы. Кромѣ того, произвелись и необходимыя метеорологическія наблюденія. Хотя матеріалъ, полученный при изслѣдованіяхъ, еще не обработанъ, однако, г. Зайкевичъ успѣлъ уже вывести нѣсколько заключеній о качествахъ различныхъ сортовъ свекловицы; о пользѣ удобренія сѣмянъ свекловичныхъ плантацій суперфосфатомъ и наилучшей культурѣ этого растения. Изслѣдованія г. Зайкевича о культурѣ свекловицы, которые онъ намѣренъ продолжать и въ будущемъ году, для чего дѣлаются различныя приспособленія въ Тростянецкой экономіи.

По поводу вопроса о покровительственномъ тарифѣ для русской шерсти, возбужденнаго акціонерною компаніею по торговлѣ шерстью и другими учрежденіями, совѣтомъ общества составлена весьма подробная и обстоятельная записка, которая и была прочитана председателемъ общества, В. А. Кочетовымъ. Записка составлена съ такимъ знаніемъ дѣла, такъ всесторонне и глубоко охватываетъ предметъ, что можно лишь пожелать, чтобы съ такимъ знаніемъ и добросовѣстностью относились у насъ ко всѣмъ вопросамъ государственной и народной экономіи. Докладъ по пунктамъ развиваетъ поверхностныя взгляды торговцевъ шерстью, которые уподобъ шерстяной промышленности видятъ въ

большомъ ввозѣ къ намъ дешевой шерсти и требующей введенія покровительственной пошлины въ размѣрѣ 3 руб. на пудъ. Докладъ В. А. Кочетова развиваетъ въ основаніи всѣ доводы нашихъ protectionistовъ и доказываетъ, что цѣна шерсти у насъ не уменьшилась, а напротивъ увеличилась, что, сдѣлавъ своему естественному развитію, промышленность эта обнаруживаетъ только теперь нѣя требованія, чѣмъ это было назадъ лѣтъ 20, что она отодвигается все далѣе и далѣе къ степнымъ, петроугнымъ мѣстамъ, съ которыми не могутъ конкурировать въ овцеводствѣ мѣстности съ болѣе сильною культурою зерновыхъ хлѣбовъ. Далѣе, докладчикъ говоритъ, что эта промышленность должна съ теченіемъ времени становиться въ положеніе, все болѣе и болѣе зависимое отъ земледѣлія.

Историческій примѣръ государствъ западной Европы доказываетъ, что высокія покровительственныя пошлины нигдѣ не могли долго удержаться и скоро замѣнялись невысокими пошлинами чисто фискальнаго характера *).

Собраніемъ членовъ, болѣею частью противъ одного голоса, было рѣшено, что для развитія русскаго производства шерсти нѣтъ никакого основанія желать наложенія высокой пошлины на привозную шерсть и добиваться запрещенія ввоза искусственной шерсти.

Потомъ было постановлено на запросъ о пониженіи тарифа на провозъ мясныхъ овецъ, что общество признаетъ мѣру эту полезною.

Затѣмъ, обсуждался запросъ департамента земледѣльческой и сельской промышленности о составленіи маршрута и указанія болѣе извѣстныхъ означенъ для будущей (весною 1882 года) поѣздки особой, составленной департаментомъ, комиссіи съ цѣлью изслѣдованія овцеводства на югѣ Россіи.

Всѣхъ окончившихъ въ настоящемъ году харьковскій университетъ, кромѣ медицинскаго факультета, 53 человекъ, которые по факультетамъ распределяются такимъ образомъ: на филологическомъ факультетѣ по историческому отдѣленію окончилъ 12 человекъ—11 съ степенію кандидата и 1 съ степенію дѣйствительнаго студента; по славянорусской филологіи 6 человекъ, всѣ кандидаты; по классическому филологіи 3 человекъ, тоже кандидаты. На физико-математическомъ факультетѣ по отдѣленію математическихъ наукъ окончилъ всего 5 человекъ—4 кандидата и 1 дѣйствительный студентъ; по отдѣленію естественныхъ наукъ только одинъ съ степенію кандидата; по отдѣленію химическихъ наукъ 3 кандидата. По юридическому факультету окончилъ 24 человекъ, изъ нихъ 15 съ степенію кандидата и 9—со степенію дѣйствительнаго студента.

Мы слышали, что въ непродолжительномъ времени, въ оперномъ театрѣ, предполагается дать вокальный концертъ въ пользу недостаточныхъ воспитанниковъ реальнаго училища. Будутъ пѣть solo воспитанники второй женской гимназіи и дѣтскаго пріюта, между которыми имѣются замѣчательные голоса, и хоръ, отдѣльные—учениковъ реальнаго училища—и совѣтъ. Между хорами предполагается исполнить необыкновенно оригиналь-

*) Прочитанный докладъ настолько интересенъ, что мы постараемся въ непродолжительномъ времени болѣе подробно познакомить нашихъ читателей съ его содержаніемъ.

торъ. Затѣмъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ г. Успенскій выступалъ съ нѣсколькими измѣнившимися направленіемъ, а самая симпатичная сторона его таланта—мягкій и добродушно-печальный юморъ—здѣсь достигаетъ полнаго своего развитія. Въ двухъ большихъ вещахъ, появившихся слѣдомъ одна за другой—въ „Разореніи“ и „Тихой водѣ—ниже травы“, касаясь отношеній разоренной и обитой съ толку реформами, помѣщичьей среды къ народу, онъ рисуетъ этотъ послѣдній въ очень привлекательномъ свѣтѣ, мягкой и задумчивой идеализаціи (Михаилъ Ивановичъ въ „Разореніи“), совершенно соотвѣтствующей и прямо вытекающей изъ тогдашняго поклоненія тому туманному „ничто“, подъ которое подогналось представленіе о народѣ. Но года три—четыре назадъ дѣятельность г. Успенскаго приняла совершенно особый характеръ. Оставивши художественную форму отъ просто началъ давать нѣкоторыя „штуди“ объ народѣ, перемѣшившая сцены бѣллетристическаго характера чуть не съ статистическими, экономическими и уголовными данными. Не говоря объ томъ, что это пріемъ совершенно антихудожественный, мы скажемъ, что это и вообще плохой пріемъ, не могущій ничего произвести, кромѣ нѣкоторой путаницы, среди которой трудно разобратся. Но зато, впрочемъ, мимолетомъ. Книжка, лежащая передъ нами, содержитъ въ себѣ рядъ разсказовъ, указавшаго характера и любящихъ именно тѣмъ, что по ней всего удобнѣе прослѣдить какъ сбивчивость со-

временныхъ представленій о деревнѣ, такъ и еще большую сбивчивость и путаницу пріемовъ, прилагавшихъ къ ея изученію, а равно и коичность положенія той изломанной интеллигенціи, которая стремится въ „деревню“ или съ цѣлью получить тамъ „просвіщеніе“ собственнаго ума и чувства, или, наоборотъ, преподавать деревнѣ отъ себя таковое же „просвіщеніе“. Мы не будемъ касаться всѣхъ разсказовъ, помѣщенныхъ въ „Деревенской неурядицѣ“—всѣ они болѣе или менѣе однородны—а остановимся лишь на болѣе характерныхъ. Вотъ вамъ, напримѣръ, почтенный отецъ семейства Иванъ Ивановичъ Полумарковъ („Малые ребята“, т. 1-й) отправляется въ „деревню“ со „счады“ и „домочадцами“, съ цѣлью просвѣтить какъ себя, такъ и своихъ чадъ той „народной правдой“, о которой онъ столько много слышалъ охотой и записками въ столичномъ городѣ С.-Петербургѣ. Но ни „просвѣщенія“, ни „народной правды“, ни простоты и патриархальности отношеній Иванъ Ивановичъ и его „чада“ въ „деревнѣ“ не находятъ, а потому возвращаются во свои озлобленные и съ разбитыми нервами, кляня всѣхъ „газетчиковъ и зубоскаловъ“ города С.-Петербурга. Положимъ, Иванъ Ивановичъ ничего не понималъ, и вотъ—злитесь. Не понималъ, что на двугривенные и рублевки, щедро разсказываемы имъ, приписаны чуждыми „накинулись“ именно всѣ тѣ подонки деревни—подонки существующей во всякомъ обществѣ—которымъ и надлежало на нихъ накинуться; не по-

нялъ, что, такимъ образомъ, все дѣйствительное хорошее, простое и патриархальное осталось совершенно въ тѣни, такъ какъ оно никогда не суется на аван-сцену, гдѣ „пришлый“ человекъ раздаетъ подонки. Что чиновникъ Полумарковъ этого не понималъ—не удивительно; но вотъ что не понималъ этотъ авторъ—это уже довольно и удивительно и прискорбно. А что онъ не понималъ, ясно изъ того печальнаго вопро- сительнаго знака, которымъ проникнутъ общій тонъ разсказа и вытекаетъ изъ него. Точно такъ же въ другомъ разсказѣ „Не въ привычку дѣло“ молодой человекъ самыхъ благородныхъ стремленій, не несомнѣнно скуднаго ума, отправляется въ собственную деревню, чтобы „всею собою“ отдать мужику. Какъ видите, тутъ дѣло поставлено уже болѣе рѣзко. Но „молодому“ человѣку „Михаилъ Михайловичъ“ отдавать мужику, кромѣ опять-таки двугривенныхъ и рублевки снова и снова накладываются подонки деревни и конецъ все тотъ же: Михаилъ Михайловичъ, разочарованный въ своихъ чувствахъ, „отряхаетъ прахъ ногъ“. Почему? Очень просто: вопервыхъ, Михаилъ Михайловичъ довольно таки скорбѣлъ главою—что сразу сообразилъ сельматовъ мужиченка изъ „подонковъ“—а при скорбѣ главѣ съ однимъ благороднымъ чувствомъ далеко не „удѣлись“; вторыхъ, опять-таки Михаилъ Михайловичъ не болѣе какъ „пришлый“ человекъ, у котораго въ деревнѣ *своего дѣла* никакого нѣтъ, а есть одна „фантазія“, выражаемая языкомъ героевъ Островска-

го. А являясь въ „деревню“, да и куда бы то ни было „налетомъ“, да еще архальное осталось совершенно въ тѣни, такъ какъ оно никогда не суется на аван-сцену, гдѣ „пришлый“ человекъ раздаетъ подонки. Что чиновникъ Полумарковъ этого не понималъ—не удивительно; но вотъ что не понималъ этотъ авторъ—это уже довольно и удивительно и прискорбно. А что онъ не понималъ, ясно изъ того печальнаго вопро- сительнаго знака, которымъ проникнутъ общій тонъ разсказа и вытекаетъ изъ него. Точно такъ же въ другомъ разсказѣ „Не въ привычку дѣло“ молодой человекъ самыхъ благородныхъ стремленій, не несомнѣнно скуднаго ума, отправляется въ собственную деревню, чтобы „всею собою“ отдать мужику. Какъ видите, тутъ дѣло поставлено уже болѣе рѣзко. Но „молодому“ человѣку „Михаилъ Михайловичъ“ отдавать мужику, кромѣ опять-таки двугривенныхъ и рублевки снова и снова накладываются подонки деревни и конецъ все тотъ же: Михаилъ Михайловичъ, разочарованный въ своихъ чувствахъ, „отряхаетъ прахъ ногъ“. Почему? Очень просто: вопервыхъ, Михаилъ Михайловичъ довольно таки скорбѣлъ главою—что сразу сообразилъ сельматовъ мужиченка изъ „подонковъ“—а при скорбѣ главѣ съ однимъ благороднымъ чувствомъ далеко не „удѣлись“; вторыхъ, опять-таки Михаилъ Михайловичъ не болѣе какъ „пришлый“ человекъ, у котораго въ деревнѣ *своего дѣла* никакого нѣтъ, а есть одна „фантазія“, выражаемая языкомъ героевъ Островска-

го. А являясь въ „деревню“, да и куда бы то ни было „налетомъ“, да еще архальное осталось совершенно въ тѣни, такъ какъ оно никогда не суется на аван-сцену, гдѣ „пришлый“ человекъ раздаетъ подонки. Что чиновникъ Полумарковъ этого не понималъ—не удивительно; но вотъ что не понималъ этотъ авторъ—это уже довольно и удивительно и прискорбно. А что онъ не понималъ, ясно изъ того печальнаго вопро- сительнаго знака, которымъ проникнутъ общій тонъ разсказа и вытекаетъ изъ него. Точно такъ же въ другомъ разсказѣ „Не въ привычку дѣло“ молодой человекъ самыхъ благородныхъ стремленій, не несомнѣнно скуднаго ума, отправляется въ собственную деревню, чтобы „всею собою“ отдать мужику. Какъ видите, тутъ дѣло поставлено уже болѣе рѣзко. Но „молодому“ человѣку „Михаилъ Михайловичъ“ отдавать мужику, кромѣ опять-таки двугривенныхъ и рублевки снова и снова накладываются подонки деревни и конецъ все тотъ же: Михаилъ Михайловичъ, разочарованный въ своихъ чувствахъ, „отряхаетъ прахъ ногъ“. Почему? Очень просто: вопервыхъ, Михаилъ Михайловичъ довольно таки скорбѣлъ главою—что сразу сообразилъ сельматовъ мужиченка изъ „подонковъ“—а при скорбѣ главѣ съ однимъ благороднымъ чувствомъ далеко не „удѣлись“; вторыхъ, опять-таки Михаилъ Михайловичъ не болѣе какъ „пришлый“ человекъ, у котораго въ деревнѣ *своего дѣла* никакого нѣтъ, а есть одна „фантазія“, выражаемая языкомъ героевъ Островска-

часть троихъ человекъ въ Сибирь соплатъ, а въ лицѣ болѣе умнаго, мужика „справедливо“—и, о, еще какъ справедливо!—боится всего, что не она, деревня; въ томъ, наконецъ, что она не знаетъ и не можетъ знать своихъ правъ и своего положенія, а потому боится всякаго мимолетнаго прохвата. Вотъ въ чомъ истинно-торговое и закупочно-торговое этого міра... Цѣлый рядъ фактовъ, мѣткихъ наблюденій, сценъ, разбросанныхъ въ чрезвычайно безпорядочно, но въ то же время и чрезвычайно талантливо написанныхъ разсказахъ г. Успенскаго именно подтверждаютъ этотъ нашъ взглядъ. Все *дѣйствительно* горькое и трагичное, что ощущаетъ подмѣтитъ авторъ въ народномъ быту, сводится къ вышеуказаннымъ причинамъ. Къ сожалѣнію, самъ авторъ въ своихъ разсѣлованіяхъ упускаетъ ихъ изъ виду, а потому, оставаясь даже безъ этой слабой руководящей нити, вѣчно путается въ массѣ фактовъ, не будучи въ силахъ ими овладѣть, и оставляя, такимъ образомъ, дѣло въ сморомѣ, необработанномъ видѣ. Есть, на примѣръ, у него одинъ разсказъ объ деревенскихъ дѣткахъ. Обработай объ художественно, такъ какъ обработаны прежнія свои произведенія, бывшій у него въ рукахъ матеріалъ и вышла бы прелесть вещь, а не хаотическое собраніе несвязныхъ фактовъ. Чтобы кончить, приведемъ здѣсь нѣсколько дѣтскихъ „школьныхъ“ сочиненій, фигурирующихъ въ разсказѣ. Эти „сочиненія“ производятъ такое успокаивающее нервъ впечатлѣніе, какъ чистый воздухъ деревенскихъ полей...

Вотъ они. 1) „О зайцѣ“. Разсказъ Андрея Хромова (десяти лѣтъ). „Я ѣздить на гумно. Подѣхалъ къ солому, увидѣлъ зайчиній слѣдъ. Увидѣлъ я зайчиній слѣдъ, бросилъ лошадь, пошелъ по зайчиному слѣду. Подползъ къ кирпичному сараю; вошелъ въ кирпичный сарай—и увидѣлъ зайца! Зайца лежалъ. Вотъ я взялъ, воротился—побѣгъ за собаками. Нѣтъ, долго будетъ! Не соблаго! Съѣлъ на лошади, погналъ домой за собаками. Пріѣхалъ домой. Но собака нѣтъ. Но я воротился на гумно. Пріѣхалъ. Взялъ вилы: а пойду угою зайца. Пришлось въ сарай, но зайца нѣтъ. Андрей“. А вотъ еще одно: „Кузнечикъ“. Описаніе Андрея Кузнецова (13 лѣтъ). „Мы вчера въ кузнечѣ съ татей наварили дѣвъ насѣки. Татя стоитъ у горна, а я дуо мѣхъ. Какъ нагрѣется жѣлѣзо, такъ татя его вынетъ на наковальню. Ежели толстое жѣлѣзо, такъ мы начнемъ въ два молота бить: татя бьетъ маленькимъ, а я большимъ молотомъ бью. Татя жѣлѣзо бьетъ въ клещи. Я умѣю сдѣлать легкую деревенскую работу, какъ-то деревенскіе коведки для латей. Лампы заливаетъ и молотки дѣлаю; а татя умѣетъ дѣлать всѣ деревенскія вещи, и „такоса“ самовары лудитъ—страсти! ружья чинитъ, даже и новыя дѣлаетъ; ну только теперь у него сломался станокъ, и онъ распродалъ весь свой инструментъ. Татя даже гармонію чинитъ, но я этого дѣла не знаю. Андрей Кузнецовъ“.

